

Н. Д. АРУТЮНОВА
ФАКТОР АДРЕСАТА

1

Разработка теории интерпретации речевых произведений, появляющихся в тех или других коммуникативных контекстах, составляет одну из главных задач прагматики. Объектом интерпретации является то, что принято называть прагматическим значением высказывания. Прагматическое значение формируется под давлением ряда факторов. Покажем это на следующем примере:

When a diplomat says «yes»	When a lady says «no»
He means «perhaps»;	She means «perhaps»;
When he says «perhaps»	When she says «perhaps»
He means «no»;	She means «yes»;
And when he says «no»	And when she says «yes»
He is no diplomat.!	She is no lady.

Когда дипломат говорит «да», он хочет сказать «может быть»; когда он говорит «может быть», он хочет сказать «нет», а если он говорит «нет», он не дипломат; когда леди говорит «нет», она хочет сказать «может быть»; когда она говорит «может быть», она хочет сказать «да», а если она говорит «да», она не леди.

Мы воспользовались английской версией стихотворения Вольтера [1], превращенного временем в расхожую шутку, поскольку в ней повторяется основная формула прагматического значения, иногда называемого «значением говорящего» [2]. Если обычно семантические концепции строятся вокруг отношения между языковыми единицами и некоторой идеализированной категорией (понятием, классом объектов), то прагматика направляет свое внимание на отношение между говорящим субъектом и его речевым произведением. Семантическая формула *the word means* 'слово означает', совпадающая с формулой лексикографии, была заменена выражением *the speaker means* 'говорящий хочет сказать', впитавшим в себя коммуникативную ситуацию. П. Грайс интерпретирует это выражение через намерение говорящего определенным образом воздействовать на слушающего, заставив его при этом узнать свое намерение [3]. «Значение говорящего» далеко не всегда совпадает с объективным смыслом предложения. *One cannot always tell from what the sentence means what the speaker means by its utterance.* 'Не всегда можно судить по значению предложения о том, что хочет сказать говорящий своим высказыванием', — писал Дж. Серл в статье, объясняющей механизмы возникновения косвенных смыслов [4].

Интерес к субъективному фактору вызвал изменение той единицы, которой принадлежит центральное положение в семантическом анализе. Если ранее для лингвистики важным было значение слова, для логики и логической семантики (философии анализа) — значение предложения,

то прагматика сделала предметом своего исследования коммуникативное содержание высказывания. Прагматическая формула значения проникла и в теорию референции, в которой вместо выражения *the noun phrase (the so-and-so) refers* 'именная группа (определенная дескрипция) относится (к такому-то предмету)' стала использоваться формула *the speaker refers* 'говорящий имеет в виду (такой-то предмет)'. «Вопрос о том, к чему (кому) имеет референцию определенная дескрипция, вообще говоря, звучит странно. Референцию осуществляет говорящее лицо, а не языковое выражение», — писал Л. Линский [5]. Озабоченность семантической референцией уступила место интересу к «референции говорящего».

Таким образом, и теория значения, и теория референции, приняв точку зрения автора речи, получили субъективный крен, а перед прагматикой встала задача вывести те общие закономерности, которые действуют в неспокойной безбрежности субъективных смыслов и установить степень их конвенционализованности (ср. принципы различения конвенциональных и неконвенциональных импликатур П. Грайса [6, 7]).

Приведенное выше наблюдение Вольтера дает ключ к пониманию ответных реакций женщин и дипломатов. Вместе с тем очевидно, что оно верно только тогда, когда дипломат говорит как дипломат, а женщина — как женщина. Суждение Вольтера касается не естественного класса женщин, а так называемого номинального класса, выделенного по одному из признаков, характеризующих женщин. Тем самым обнаруживается, что говорящий вступает в коммуникацию не как глобальная личность, в которой слиты все ее составляющие, а как личность «параметризованная», выявляющая в акте речи одну из своих социальных функций или психологических аспектов, в связи с которыми и должно пониматься его высказывание. Если бы это было иначе, то женщина-дипломат (феномен, Вольтеру еще неизвестный) была бы обречена только на один ответ — «возможно», который мог бы быть понят и как «да» (в свете женских ухищрений) и как «нет» (в свете ухищрений дипломатии). Иногда сами говорящие эксплицируют свое речевое амплуа, облегчая этим задачу правильного истолкования их речевого поступка: *Я говорю тебе это как друг (по-дружески, по дружбе)*. Указание на параметр говорящего содержится и в семантике таких глаголов, как *приказать, распорядиться, сколдовать*. Психология речевого общения, впрочем, такова, что прагматическая данность вербализуется больше всего при необходимости ее фальсифицировать. Было бы странно услышать: «Говорю тебе как друг и честный человек, что ты — талант». Однако возможно сказать так: «Ну, да ведь я знаю тебя: ведь ты большой мопеник, позволь мне это сказать тебе по дружбе! Если бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве [. . .]. Ей-богу, повесил бы, — повторил Ноздрев, я тебе говорю это откровенно, не с тем, чтобы тебя обидеть, а просто по-дружески говорю» (Гоголь).

Вернемся к нашему примеру. Очевидно, что наблюдение Вольтера, даже если оно справедливо, не распространяется на все речевые ситуации, в которых участвуют женщины и дипломаты. Женщина не перестанет быть женщиной (она скорее ею станет), сказав «да» во время церемонии бракосочетания. Если бы она вместо этого сказала «возможно», то такой ответ не был бы истолкован в положительном смысле. Он бы вообще никак не котировался. Прагматическое значение речевого акта, таким образом, чувствительно не только к говорящему субъекту, хотя бы даже и «параметризованному», но и к социальной ситуации, в которой он осуществляется, и, конечно, к тому, каков речевой antecedent реплики.

Наконец, толкование высказывания в существенной мере зависит от «фактора адресата». По видимому, понимание ответов женщин и дипломатов адресатно обусловлено: только определенный тип адресата не ошибется, приняв «возможно» за согласие или, наоборот, за отказ. При этом важно отметить, что адресат, как и говорящий, вступает в коммуникацию не как глобальная личность, а в определенном своем аспекте, амплуа или функ-

ции, соответствующем аспекту говорящего. В нормальной речевой обстановке параметры говорящего и адресата должны быть между собой согласованы, ср. *учитель и ученик, начальник и подчиненный, муж и жена, отец и сын*, или в уравновешенных ситуациях — *друзья, соседи, спутники, коллеги*, иногда асимметризованные различиями в поле, возрасте, социальном положении и т. п. Если в описаниях речевой коммуникации собеседники обозначены именами собственными или местоимениями, то за ними скрываются определенные дескрипции, в которых на идентифицирующую функцию, общую у них с именами собственными, наложена предикатная (параметризующая). Не случайно в текстах можно встретить замену имен собственных нарицательными в обращениях и авторских ремарках при том, что в самом повествовании используется имя собственное персонажа. Согласованность параметров собеседников обеспечивает правильное ведение коммуникации, ср. у Толстого: «Наташа, оставшись с мужем одна, тоже разговаривала так, как только разговаривают жена с мужем, то есть с необыкновенной ясностью и быстротой познавая и сообщая мысли друг друга, путем, противным всем правилам логики, без посредства суждений, умозаключений и выводов, а совершенно особенным образом» (Л. Толстой). Рассогласование параметров собеседников часто ведет к нарушению коммуникации. В каждом обществе, впрочем, существует некая «система рассогласования» участников речевых актов, связанная с вовлечением в коммуникацию категории «посредников» (заступников, ходатаев, «поддерживателей» и т. п.).

Итак, интерпретация речевого произведения не безразлична не только к тому, кем именно и в какой обстановке оно было произнесено, но также и к фактору адресата, составляющему непосредственный предмет настоящей статьи. В разных теориях речевой деятельности второй (пассивный) участник коммуникации именуется по-разному: получатель речи, рецептор, интерпретатор, слушающий, аудитория, декодирующий, собеседник (*interlocutor*). Мы пользуемся термином «адресат», подчеркивая этим сознательную направленность речевого высказывания к лицу (конкретному или не конкретному), которое может быть определенным образом охарактеризовано, причем коммуникативное намерение автора речи должно согласовываться с этой его характеристикой. Иными словами, всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата. Удовлетворение преупозиции адресата составляет одно из важных условий его эффективности. «Ошибка адресатом» может быть уподоблена обращению не в ту инстанцию.

Фактор адресата, точка зрения которого естественно принимается за отправную при интерпретации высказываний, представляется существенным для теории речевых актов. Если мы вспомним постулаты, предложенные П. Грайсом в его известной статье о логике и разговоре [6], то они, как и ряд рекомендаций риторики, сформулированы под углом зрения именно адресата и представляют собой охранную грамоту, оберегающую коммуникативные интересы потребителя речи от попирания их говорящим. Основной принцип, названный Грайсом «принципом сотрудничества», заключается в требовании делать свой вклад в речевое общение соответствующим принятой цели и направлению разговора. Этому принципу подчинены четыре категории максим: 1) максима количества («делай свой вклад в разговор настолько информативным, насколько необходимо»), 2) максима качества («говори правду»), 3) максима отношения («будь релевантен»), 4) максимы манеры («говори ясно», «говори коротко», «говори последовательно»). Приведенные требования суть коммуникативные обязанности говорящего по отношению к адресату. Таким образом, роль адресата определяет не только социально-этикетную сторону речи, она заставляет говорящего заботиться об ее организации, ибо всякое превышение предела небрежности сказывается на его интересах, вызывая рикошет переспросов. Не будет большой ошибкой утверждать, что обработка речи происходит под давлением фактора адресата (особенно

адресата-анонима). Заметно, что фамильярно-пренебрежительное отношение к адресату всегда идет в ущерб культуре речи.

Справедливости ради следует признать, что и многое дурное в языке стимулировано адресатом. Практически целиком обращена к адресату фамильярная лексика. Многие ее элементы совсем не употребительны в первом лице, редко используются в применении к «аутсайдерам коммуникации» и естественней всего связываются со вторым лицом собеседника. Не случайно многие бранные выражения окаменели в виде самой адресованной формы высказывания — императива.

Ниже будет в общих чертах охарактеризован фактор адресата в его отношении к (1) речевым актам, (2) внутренней речи и (3) литературному тексту.

2

Теория речевых актов была воспринята лингвистикой из того направления философии, которое, оставив отвлеченные спекуляции, сосредоточилось на житейских наблюдениях над обыденным языком. Ее зародышем была идея высказывания-поступка (перформатива), связывающая речь с социальной активностью людей. Между тем в лингвистике к тому времени накопилось много своих наблюдений над функционированием речи и ее видами. Немалый опыт по изучению механизмов речи образовался и в психологии и психолингвистике. Между этими направлениями, исследующими один и тот же объект, естественно, много общего. Однако они избегают точек соприкосновения и идейного обмена. Так, если в теории речевых актов используется собственно коммуникативная оппозиция участников ситуации «говорящий — слушающий», то в лингвистических исследованиях диалогической речи, а также в психологии (особенно бихевиористской школы), сосредоточенных не на собеседниках, а на соотношении их высказываний, применяется оппозиция (стимул—реакция). Важность этого аспекта речи подчеркивал Л. П. Якубинский. Он описал: «Подобно тому, как вопрос почти непроизвольно, „естественно“, в силу постоянной ассоциации между мыслями и выговариванием, рождает ответ [...], подобно этому и всякое речевое раздражение, как бы непрерывно длительно оно не было, возбуждая, как свою реакцию, мысли и чувства, необходимо толкает организм на речевое реагирование» [8]. Между тем логико-философские теории речевых актов обходятся без этой оппозиции. Так, например, Дж. Серл, выделяя 12 параметров, характеризующих речевые акты, не вносит в их число признак, связанный с наличием или отсутствием коммуникативного стимула [9]. Каждый речевой акт рассматривается в этой теории сам по себе, вне контекста общения, сцепляющего его с другими актами речи. Функция же адресата сводится к роли слушающего, т. е. замыкается восприятием и интерпретацией сообщения. Конечно, переход к речевому реагированию превращает получателя речи в говорящего. Поэтому виды речевых реакций и сама тактика реагирования отрываются от адресата-молчальника. Однако различие между говорящим-зачинщиком и говорящим-ответчиком этим не стирается, как не уничтожается и языковая разница между стимулирующими и реагирующими высказываниями. Не смешиваются также и два вида речевой тактики: наступательная и оборонительная. Защитные реакции неотделимы от позиции адресата, они прямо из нее вытекают. Изучение защитных реакций обнаруживает различие в отношении прагматической ситуации к речевой деятельности и интересам говорящего и адресата. Основная масса тактических приемов, применяемых адресатом, сводится к замене ожидаемого отклика на речевой стимул выдергиванием «прагматической шпильки». Адресат в принципе свободен в выборе вектора реагирования, который может не отражаться на реальном смысле высказывания. Варьирование направления реакции связано с тактическими задачами. Так, реакция на истинностное значение

сообщения может быть прямой (*Это — неправда*), она может приобретать обвинительный оттенок, т. е. переноситься на автора речи (*Ты говоришь неправду; Ты лжешь*), либо смягчаться, замыкаясь сферой говорящего-ответчика (*Я сомневаюсь; Я лично этому не верю*). В большинстве случаев, однако, превращение прагматической ситуации в объект реагирования имеет оборонительную цель. Защита может осуществляться: 1) указанием на неуместность или ненужность самого акта речи, например, вопроса ¹: *Сваленный лес на Теплую трелюет? — Куда же еще?; Черти тебя туда занесли? — А кто же еще?; Так ты дома? — Странный вопрос. Разве ты не видишь? (Как видишь)*; 2) указанием на неуместность обращения или других языковых компонентов высказывания: *А я боле не буду хулиганничать, маманя, — Какая я тебе к бесу маманя. Я вот тебе сейчас такую «маманю» покажу*; ср. также реплики типа *Как (каким тоном) ты со мной разговариваешь?*; 3) указанием на несвоевременность или неуместность высказывания, ср. реплики типа *Нашел время спрашивать; Другого времени (места) для разговора не мог найти; Поговорим в другой раз*; 4) отводом говорящего, ср. реакции типа *Тебя не спрашивают; Тебе какое дело; Не тебе это говорить; Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала*, например, *Действительно, мы уже доедем, потом свои порядки устанавливайте. — А тебя кто спрашивает? Ты кто? Приезжий? Ну, и сиди, приезжий, не вякай*; 5) самоотводом адресата речи, ср. реплики типа *Кому ты это говоришь? А мне-то что до этого; Рассказывай кому-нибудь другому; Почему ты меня об этом спрашиваешь?*; 6) указанием на нежелательных свидетелей разговора: *Зачем об этом говорить при детях?*

Здесь нет возможности рассматривать подробно все виды косвенных речевых реакций. Подчеркнем только, что в речевом общении каждое высказывание воспринимается не само по себе, а как реплика, вмонтированная в прагматический комплекс. При этом оценка адресатом речевого содержания (коммуникативного смысла) высказывания обычно сопровождается оценкой адекватности его данной прагматической ситуации. Если высказывание признается в том или другом отношении неуместным, то адресат делает парирующий ход. Отпор может быть вызван любым компонентом коммуникативной ситуации. Прагматика речи составляет своего рода «отводной канал», по которому устремляется основная масса косвенных реакций. Последние отлились в виде диалогических шаблонов, многие из которых имеют форму либо вопроса-ответа, либо императива, т. е. призваны ответить ударом на удар. Таким образом, ответная тактика в большой степени обусловлена расхождением собеседников в оценке того, насколько речевой акт вписался в прагматическую рамку. Если говорящий периодически делает попытки преступить в том или другом пункте границу корректности, то для адресата характерно стремление не допустить такого рода нарушений, восстановить свои права.

* * *

Исследуя прагматику речи и структуру речевых актов, мы не можем обойти вопроса о том, все ли речевые акты адресованы и какова функция адресата в разных видах речевых актов.

Несомненно, что большую часть речевых актов, выделяемых в теории Остина — Серла — Вендлера, следует признать жестко адресованными: с устранением адресата они утрачивают *raison d'être*. Наиболее привязаны к адресату императивы (директивы, по Остину) и вопросы. Их неизбежная адресованность обусловлена тем, что ожидаемый от них результат (перлокутивный эффект) вполне «осязаем» и должен быть осуществлен именно адресатом. Утрата конкретного адресата изменяет коммуникативный статус речи, превращая вопрос в риторический всплеск, восклицание или

¹ Ниже наряду с типизированными репликами приводятся примеры, заимствованные из очерков и киносценариев.

проблему, а императив — в заповедь, этическую рекомендацию или сентенцию неопределенного назначения. Например, *Если хочешь быть красивым, поступи в гусары* (К. Прутков).

Иными причинами обусловлена нужда в адресате речевых актов, называемых «комиссивами» и состоящих в принятии на себя говорящим некоторых обязательств (обещания, клятвы). Комиссивы относятся к категории речевых реакций, предваряющих некоторое действие или бездействие. Это — промежуточная реакция на полученный речевой стимул — просьбу. Адресата речевых реакций не может не быть уже потому, что он сам вызывает отклик и в нем заинтересован. В случае комиссива адресат является, кроме того, контролером, готовым применить санкции к невыполнителю.

Безусловно адресатны все высказывания, относящиеся к социальному этикету (*behabitives*, по Остину, *expressives*, по Серлу) и регулирующие отношения между людьми. Адресованность этой категории речевых актов объясняется именно их принадлежностью к области интерперсональных отношений. Они не содержат новой информации для адресата, которому важен сам факт их осуществления или неосуществления. Отсутствие этикетного высказывания не менее значимо, чем его наличие. Этикетные высказывания, как и комиссивы, относятся к числу реакций. Их обычно провоцирует стихийно возникающие стимулы: события в микромире адресата или мелкие нечаянности самого говорящего по отношению к адресату. Этикетный перформатив можно считать совершенным только тогда, когда он достигает адресата. Сказанное «ветру в поле» извинение создает прагматический абсурд: «— Да, брат, поеду, извини, что не могу остаться. Душой рад бы был, но не могу. — Зять еще долго повторял свои извинения, не замечая, что сам уже давно сидел в бричке, давно выехал за ворота, и перед ним давно были одни пустые поля» (Гоголь).

Среди речевых актов, принимающих форму коммуникативно немаркированных (повествовательных) высказываний, несомненно адресованы те, которые, подобно словесному этикету, принадлежат сфере межличностных отношений и могут расцениваться как поступки, определяющие взаимодействие людей. Таковы: лесть и комплименты, все виды сознательной лжи, обмана, словесного притворства и лицемерия, которые нужны говорящему только «ради» адресата, упреки и угрозы, замечания, поучения и наставления, бросающие адресата на скамью подсудимых, признания с надеждой на «отпущение грехов», жалобы и сетования, облегчающие говорящего, только если он получает эмоциональную отдачу от адресата, хвастовство, которым говорящий стремится выжечь в душе собеседника печать собственной личности. Наконец, адресат как зритель и ценитель самим своим присутствием стимулирует артистические антракты (шутки, остроты, пародирование и т. п.), претендующие не более чем на поощрительную реакцию собеседника.

Целью сделанного короткого обзора было не только подчеркнуть неустранимость адресата из многих типов речевых актов, но также обратить внимание на неоднородность тех ролей, которые приходится в них на долю говорящего и адресата. За ситуацией коммуникативного плана (говорящий — сообщение — слушающий) скрывается более сложная система поведенческих ситуаций — межличностных и социальных, в которых адресат предстает то как потенциальный исполнитель или информатор, то как жертва или «подсудимый», то как конфидент или просто «добрая душа», то как свидетель или контролер, то как ценитель или потребитель, то как подпевала, то, напротив, как контрагент. Собственно коммуникативная формула $\langle A \text{ говорит } B, \text{ что } p, \text{ так как хочет, чтобы } B \text{ знал, что } p \rangle$ [10] в речеповеденческом плане должна быть дополнена указанием на прагматическую цель речевого акта.

Итак, неотделимость адресата от речевого произведения обусловлена тремя факторами: 1) связью адресата с перлокутивным эффектом, 2) иг-

ровым принципом речи, постоянно меняющим местами собеседников и создающим «инвертированного адресата»; 3) принадлежностью речевого акта к сфере межличностных отношений.

Речевые произведения, отвечающие собственно когнитивной деятельности человека, существенно ослабили связь с адресатом. Они могут произноситься в воздухе, фиксироваться в дневниках и записных книжках. Они составляют основную форму внутренней речи (см. ниже). Однако многие из них стремятся приобрести адресатную направленность. В этом случае можно говорить о «кооптированном адресате», т. е. адресате, непосредственно не связанном с содержанием коммуникации, ее целью и перлокутивным эффектом. В наибольшей степени тяготеют к адресату те высказывания, предметом которых является сам говорящий или близкий ему круг. Автор таких высказываний желал бы получить психологическую поддержку от другого человека, будь то одобрение его жизненной позиции или действий (*Я правильно поступил?*), будь то осуждение его недругов или «ущемителей» (*Ну, не мерзавец ли?*).

В адресате заинтересован автор сообщения, дающего надежду на реакцию удивления. Ошеломляющий эффект для разносчика новостей — это то же, что овация для актера. Ср. у Достоевского: «Иметь в запасе новость лучше, чем иметь капитал. Когда петербуржец узнает какую-нибудь редкую новость и легит рассказать ее, то заранее чувствует какое-то духовное сладострастие; голос его ослаб и дрожит от удовольствия и сердце его как будто купается в розовом масле» [11]. Новости, таким образом, настойчиво стучатся к адресату-игноранту.

Приобрести адресата стремятся не только необычные и скандальные известия, но и мелкая фактическая информация, которую адресат часто пропускает мимо ушей, если она его не касается. Но если он чувствует, что принцип релевантности нарушается намеренно, то он принимает сообщение как косвенный речевой акт. Все косвенные речевые акты адресованы. Сама нужда в них определяется адресатом. Говорящий пользуется ими либо в целях вежливого смягчения просьб, вопросов и замечаний, либо для того, чтобы сказать адресату неприятное, избежав неприятных последствий для себя. Обычно все общие суждения, банальности, деонтические правила, этические сентенции, бытийно-характеризующие утверждения интерпретируются по принципу *ad hominem*. Придавая общему суждению конкретную референцию, адресат невольно принимает его на свой счет или на счет близкого себе круга. Полагая, что положительная оценка не нуждается в маскировке, адресат может заменить в суждении знак плюс на знак минус. Так, услышав афоризм К. Пруткова «Из всех плодов наилучшие приносит хорошее воспитание», адресат может его принять как намек на свою невоспитанность. Косвенный смысл может быть придан также отрицательным оценкам и приговорам, выносимым «третьим лицам», далеким от мира адресата.

Таким образом, косвенные речевые акты перечисленных видов падают на адресата как на объект оценок, создавая тип адресата-мишени. Скользя мимо адресата, косвенные речевые акты больно по нему ударяют.

Это существенно отличает адресата речевых актов от адресата художественных произведений, который не склонен принимать на свой счет никаких интенций автора, имеющих своей целью исправление нравов. Оно объясняется тем, что автор художественного текста не должен соблюдать принцип прагматической релевантности. Если последний и привносится адресатом в художественное произведение, то только в виде феномена, получившего название аллюзии.

3

Особую проблему составляет перенос прагматических ситуаций в психологический мир человека, вызывающий диалогизацию внутреннего

проговаривания. Диалогизованная внутренняя речь имеет ряд разновидностей.

Большинство ее форм предназначено внешнему адресату и является продолжением «при закрытых дверях» обычной речевой деятельности. Внутреннее проговаривание нередко обращено к реальным лицам, входящим в круг общения субъекта. Оно характеризуется определенным набором коммуникативных целей. К ним относятся жалобы, сетования, хвастовство, признания, исповеди, самооправдания, упреки, объяснения; продолжения ссор и споров и т. п. Некоторые из приведенных установок (жалобы, хвастовство, признания) замыкаются говорящим. Они не требуют непосредственной словесной реакции от адресата и рассчитаны скорее на определенную психологическую отдачу, источником которой должно быть другое лицо, что способствует их интериоризации и вместе с тем сохраняет обращенность к фиктивному адресату. Этот тип внутренней речи вылился в литературные жанры сказа и исповеди, приведшие в конечном счете к литературе «потока сознания», отделившей сознательное, а иногда и полусознательное от прочих составляющих психики. Иные коммуникативные цели предполагают реакцию адресата, которая иногда включается субъектом проговаривания во внутреннюю речь, приобретающую форму двухагентного диалога. Таковы психологические продолжения реальных коммуникативных ситуаций — споров, объяснений, ссор.

Другие виды интериоризованных речевых актов самоадресованы, вследствие чего они вызывают распад личности на двух иерархически неравных собеседников. Так, побуждения, уговоры, обещания, связанные с последующим поведением, этические приговоры и самооценки (в основном отрицательного плана) исходят как бы от «вышестоящей инстанции, воплощающей разум или здравый смысл, мудрость или справедливость, волю или самоконтроль, и адресуются к субъекту внутреннего проговаривания как средоточию безумия, пороков и слабостей. Например. *«Скотина! Хайван — что ты, что твой верблюд! Сволочь! Собака! Дурья голова»* — и еще в том же духе, перемежая их крепким матом, бичевал себя, устрасал и оскорблял, чтобы отрезветь, одуматься, остановиться» (Ч. Айтматов). Бранная лексика, ориентированная, как отмечалось на «второе лицо», в самоадресованной речи эту связь часто сохраняет, но при выносе речи на адресата-свидетеля второе лицо естественно должно быть перекодировано на первое.

Третий вид речевых актов — просьбы, мольбы о прощении, обеты, зароки, вопросы типа «как быть?» и «как жить?», вербализованные вздохи и высокие порывы — адресуются высшему существу или высшей силе, и это, возможно, составляет независимую от вопросов веры характеристику определенного типа внутренней речи. К этой же категории можно отнести и те компромиссы, которые люди стремятся заключить с судьбой.

Наконец, четвертый тип диалогизованного проговаривания — его вопросно-ответное построение, равно как реализация принципа «за и против», по-видимому, не создает двухагентной ситуации, отражая стандартизованную диалектику обдумывания. Лишь тогда, когда дело касается несовместимых нравственных установок, внутренняя речь приобретает характер подлинного диалога, в котором контрагент, а иногда и оба идейных противника могут быть персонифицированы. Этот способ показа внутреннего мира героев, как хорошо известно, получил после Достоевского широкое распространение в литературе.

Нисколько не претендуя на полноту описания диалогических форм внутренней речи, мы хотим подчеркнуть, что она имеет свою прагматику, в которую входит не только говорящий, но и адресат, а следовательно, иллюкативные силы могут сохраняться и в некоммunikативных условиях. Однако состав психологической прагматики этим не исчерпывается. Если в прагматику внешней речи входит автор и его речевое действие (говорение), вследствие чего перформативы типа *я говорю* в ней излишни, то в

прагматику внутренней речи входит субъективный модус («модальное действие»), который в этих условиях также не нуждается в вербализации. Речь для себя не пользуется модальными интродукциями типа *я думаю, я считаю, я понимаю, я чувствую, я вижу, я предполагаю* и т. п.

Были отмечены те виды внутреннего проговаривания, которые представляют собой интериоризацию коммуникативно направленных речевых актов. Однако основная масса внутренней речи, подробно изученная психологами и психолингвистами в связи с проблемой вербализации мышления и его отношения к деятельности человека (см. работы Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, Н. И. Жинкина, А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, И. Н. Горелова, Т. В. Ахутиной и др.), безадресатна. Таковы размышления, думы, воспоминания, программирование предстоящих действий и другие виды «забеганий вперед» (вербализация надежд, страхов, желаний, опасений), догадки, анализ ситуаций и их участников, мечты, фантазирование и др. Все эти формы и жанры внутреннего проговаривания, охотно фиксируемые авторами психологической прозы [12, 13], как правило, не предназначены для чужих ушей. Поэтому перенос их в коммуникативную ситуацию обычно оговаривается: *Давайте вместе (вслух) помечтаем, Будем рассуждать вслух, Давайте подумаем вместе, Позвольте мне немного пофантазировать*. Все названные жанры принадлежат именно внутренней речи. Они подчинены особым «иллокутивным силам» — программированию внешних действий, осознанию происходящего, компенсации урнов и дефектности реального существования.

Однако психологическая речь нередко выплескивается на адресата. Вот тут-то субъект проговаривания и рискует проговориться.

Экстериоризация внутренней речи создает особые виды разговора, не сводимые к обычно выделяемым типам речевых актов. Близкие люди часто делятся друг с другом своими мыслями, оценками, взглядами, мечтами, планами и воспоминаниями, реализуя контактообразующую, или фатическую (по Малиновскому и Якобсону), функцию речи, приводящую в соприкосновение не практические интересы, а внутренние миры людей. Например: «Ты знаешь, Мари, о чем я думал? — начал он теперь, когда примирение было сделано, тотчас же начиная думать вслух при жене. Он не спрашивал о том, готова ли она слушать его ... Графиня Марья выслушала его, сделала замечания и начала в свою очередь думать вслух свои мысли» (Л. Толстой). Так, чередуясь и объединяясь, фрагменты внутреннего проговаривания, даже не сцепляясь друг с другом и не образуя тематического единства (Николай Ростов говорил о своих планах, а графиня Марья — о своих детях), создают не собственно диалогический вид коммуникации, в котором адресованность проистекает из внешних по отношению к содержанию сообщения целей. Ни говорящий, ни его собеседник в этом случае не «параметризуется».

Общение, выросшее из экстериоризации внутренней речи, имеет разные формы, различна в них и функция адресата. При этом немаловажную роль играет фактор дистанции, разделяющей собеседников. В том примере, который был приведен выше, собеседники близки друг другу. Экстериоризация их мыслей поддерживает психологический унисон. Это именно обмен, не требующий даже тематического единства. Если собеседники находятся лишь на пути к сближению, то они в своих разговорах стремятся выяснить возможность единодушия. Происходит обмен информацией, касающейся каждого из них. Автор речи «задает» адресату какой-нибудь свой признак (мысль, оценку, склонность, вкус, черту характера) и требует от него аналогичных сведений: *Я люблю театр (кино, сыр, Крым, зиму) — И я (А я нет)*. Рекогносцировочный диалог реализует определенный тип связи: реплики в нем сцеплены предикатами, а перемной величиной является субъект (чередования «я — ты»). Между тем в обычном диалоге, наоборот, задается предметная тема, которой сопоставляются различные предикаты.

Адресат может быть и совершенно посторонним говорящему лицом (случайным спутником, соседом, «товарищем по несчастью» в очереди, приемной адвоката или зубного врача и т. п.). Поскольку ситуация групповой потери времени не терпит речевой пустоты, то в ней естественно (среди прочих форм диалога) реализуется повествовательный талант говорящего, осложненный задачей самоутверждения как рассказчика или как личности. Такого рода обмен «случаями из практики» (эстафета при этом не передается, а вырывается со словами «А со мной лучше было») или целыми жизнеописаниями в выигрышной для автора интерпретации рассчитаны на адресата-слушателя. Эта форма речевого общения канонизирована в литературе.

Здесь нет возможности описывать все многообразие форм экстерииризованной внутренней речи с кооптированным адресатом. Важно подчеркнуть, что подобно тому, как внутренняя речь состоит из двух компонентов — собственно внутренней речи и некоторых видов интериоризованного диалога, — неоднородна и речь, обслуживающая вербальное взаимодействие людей. Она состоит из форм собственно диалога и экстерииризованной внутренней речи. В первом случае необходимость в адресате вытекает из коммуникативной задачи речевого акта, во втором случае нужда в адресате обусловлена потребностью общения.

4

Между речевым актом и прозаическим художественным текстом существует определенный параллелизм. Специфика прозы в отличие от поэзии вытекает из коммуникации. Литературной коммуникации так же, как и повседневному человеческому общению, присущи такие прагматические параметры, как автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный эффект (эстетическое воздействие). Не случайно минимальные законченные художественные тексты — афоризмы, сентенции и максимы, а также конденсаты человеческого опыта и мудрости (пословицы и другая фольклорная «крупа») выбирают не только форму повествовательных предложений, но и форму вопросов и императивов, сохраняющих печать прямой обращенности к адресату.

Понятие «литературной коммуникации» в последние годы разрабатывалось в литературоведении [см. 14—17]. При этом особое внимание было обращено на роль адресата художественного текста, вследствие чего была поставлена задача обоснования и развития «поэтики восприятия» как ключевой категории теории и философии литературы. Интерпретация художественного текста связывается с его прочтением, понимаемым как первичная герменевтическая активность получателя речи, направленная на максимальное сближение между познающим субъектом и объектом познания [18]. Иными словами, центр тяжести в исследовании литературного процесса и категорий эстетики оказывается перенесенным с экспрессивной функции речи на апеллятивную (по К. Бюлеру). Интерес к проблемам прочтения текста был в наибольшей степени стимулирован «теорией конкретизации» Р. Ингардена [19; 20]. Внимание к туманной фигуре литературного адресата имело своим результатом разработку понятия «стилей восприятия». М. Гловинский выделяет семь таких стилей: мифологический, аллегорический, символический, инструментальный, миметический (восприятие через соотнесение с фактами действительности), экспрессивный (восприятие через личность автора), эстетический [21].

Понятие стиля восприятия, развиваемое М. Гловинским, в ряде случаев прямо соотносится с той моделью адресата, которому автор сознательно предназначает свое произведение. Так, например, писатель, делающий основную ставку на выведение эмпирических закономерностей жизни, рассчитывает прежде всего на миметический стиль восприятия. Это заставляет его не только учитывать жизненный опыт читателя, но даже эк-

сплицитно на него опираться. Ему, например, важно правильно соотнести психические состояния своих персонажей с переживаниями, входящими в опыт читателя. Для этого он прибегает к своего рода перекодировке, заменяя частную ситуацию, послужившую эмоциональным стимулом, другой, более общей и распространенной. Перекодировка обычно осуществляется при помощи сравнения, которое в этом случае отличается от метафоры; метафора заменяет нечто более известное и стертое необычным или неожиданным, сравнение разъясняет неизведанное через испытанное. Например, у Толстого: *«Помните ли вы это радостное чувство детства, когда в ваши именины [...] с праздником на платье, на лице и в душе, вы нашли дома гостей и игрушки? Такого рода чувство испытал Петр Иванович, возвратившись из церкви»*.

Сравнения приведенного типа, конечно, неизбежны, поскольку, как пронизательно заметила А. Вежибицкая, «семантическая структура имен чувств компаративна; эмоции могут быть описаны только путем отсылки к стандартной ситуации» [10, с. 60]. Здесь все дело в выборе идентифицирующих ситуаций, и автор озабочен тем, чтобы они были соотносительными с опытом читателя. Такого рода апелляция к опыту чужда, например, романтику, требующему от своего адресата экспрессивного (в понимании Гловинского) восприятия.

* * *

Осознание художественного текста как особого вида коммуникации послужило стимулом развития стилистических приемов, состоящих в нарушении прав адресата (см. приведенные выше максимы Грайса). Если несоблюдение «максимы качества» вытекает из самой природы художественного текста, то отступление от других коммуникативных принципов имеет стилеобразующий характер. В художественном тексте не выполняется ни максима количества информации, ни максима релевантности, но особенно неприемлемо для современного прозаика требование последовательного и упорядоченного повествования, которое могло бы помочь читателю ориентироваться в фактической стороне дела. Коммуникативные нарушения используются давно. Они многообразны и преследуют разные цели. Особенно распространены, как известно, композиционные смещения, подробно изученные русской формальной школой (см. работы Б. М. Эйхенбаума, Л. С. Выготского, раннего А. А. Реформатского и др.), отмечавшей не только способ композиционной организации повествования, но и достигаемый им эстетический эффект. Так, представив графически все изломы линии повествования в рассказе И. Бунина «Легкое дыхание», Л. С. Выготский пишет: «Автор для того чертил в своем рассказе сложную кривую, чтобы уничтожить его житейскую муть, чтобы превратить ее в прозрачность, чтобы отрешить ее от действительности, чтобы претворить воду в вино, как это делает всегда художественное произведение» [22].

Нарушение последовательности рассказа связано, однако, не только с взаимным расположением событий и эпизодов, но также с нарушением порядка в поступлении фактической информации. Из повествования регулярно исключается «анкета» героев, т. е. тот общий информативный фон, в который должны вписываться частные сведения и детали. Автор начинает с отдельных штрихов и мелких эпизодов, рассчитывая, что адресат может по ним восстановить общее (при том, что обратное было бы невозможно). Таким образом, все повествование строится по принципу метонимии (на это обратила мое внимание Л. Б. Лебедева).

Писатель, однако, может сделать еще один шаг в сторону нарушения коммуникативных прав адресата. Рассказывая в той или иной последовательности сюжетообразующие события, он укрывает от адресата те ключевые факты, которые только и могут объяснить их внутреннюю ло-

гику. Между тем эти факты не являются сами по себе неизвестной величиной в отличие от детективной литературы, в которой читатель идентифицируется с несведущим персонажем, игнорантом. Напротив, они, эти факты, известны и внутритекстовому рассказчику, и его внутритекстовым адресатам, и всем прочим действующим лицам, и только читатель остается относительно них в неведении. Ему как бы случайно забыли сказать о главном. Именно такова ситуация читателя в некоторых произведениях У. Фолкнера, например в романе «Авессалом, Авессалом!». За рамками текста, в котором не полностью воспроизводятся рассказы внутренних повествователей, остаются ключевые для осмысления происходящего факты. Вследствие этого создается впечатление действия роковых сил, влекущих героев к гибели; они и сами к ней спешат, совершая странные и не мотивированные поступки. Когда же в конце романа читатель добивается до корня зла, то начинает понимать, что губительная стихия рока была целенаправлена на осуществление кары. Так внезапно раскрывается основная тема романа — тема возмездия. Нисколько не настаивая на предложенном прочтении романа Фолкнера, мы все же хотели бы подчеркнуть, что проза XX в. ведет последовательное наступление на коммуникативные права адресата, все больше и больше пользуясь стилистическими приемами, вырастающими из отношения к литературному тексту как виду коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Posner R. Semantics and pragmatics of sentence connectives in natural language.— In: Speech act theory and pragmatics. Dordrecht, 1980, p. 177.
2. Grice H. P. Utterer's meaning and intentions.— The Philosophical review, 1969, v. 78, № 2.
3. Grice H. P. Meaning.— The Philosophical review, 1957, v. 66, № 3.
4. Searle J. R. Indirect speech acts.— In: Syntax and semantics. New York — San Francisco — London: Acad. Press, 1975, v. 3, p. 68.
5. Linsky L. Reference and referents.— In: Semantics. Cambridge (Mass.), 1971, p. 76.
6. Grice H. P. Logic and conversation.— In: Syntax and semantics. New York — San Francisco — London: Acad. Press, 1975, v. 3.
7. Grice H. P. Further notes on logic and conversation.— In: Syntax and semantics. New York — San Francisco — London: Acad. Press, 1978, v. 9.
8. Якубинский Л. О диалогической речи.— Русская речь, М.— Л., 1923, № 1, с. 134.
9. Searle J. R. A classification of illocutionary acts.— Language in society. London, 1976, v. 5, № 1.
10. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt/M., 1972, p. 123.
11. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 18, М., «Наука», 1978, с. 18.
12. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе, изд. 2. Л., «Худож. лит.», 1977.
13. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л., «Сов. писат.», 1979, гл. 4.
14. Problemy socjologii literatury. Wrocław, 1971.
15. Kommunikacja jazykowa a literatura. Wrocław, 1975.
16. Literarische Kommunikation. Kronberg, 1975.
17. Problemy odbioru i odbiorcy. Wrocław, 1977.
18. Głowiński M. Reading, interpretation, reception.— In: New literary history. The Univ. of Virginia, 1979—1980, v. XI, p. 79.
19. Ингарден П. Исследования по эстетике. М., «Иностр. лит.», 1962.
20. Głowiński M. On concretization.— In: Language, literature and meaning. Problems of literary theory. Amsterdam, 1979, v. 1.
21. Głowiński M. Literary communication and literary history.— Neohelicon. Budapest — Amsterdam, v. IV, № 3—4, p. 224—226.
22. Выготский Л. С. Психология искусства. М., «Искусство», 1968, с. 200—201.